ГОСТЬ «СВ»

Агент любви Юрий Шевчук

Окончание. Начало на стр. 1

– Борис Гребенщиков как-то сказал, что искусство и творчество отличаются друг от друга так же, как коммерция от любви. А вы что думаете?

– Еще Пушкин все разъяснил: не продается вдохновенье, но можно рукопись продать. Естественно, у нас всех семьи, мы ответственны перед ними. Но у «ДДТ» много моральных табу: мы не работаем на корпоративах, не занимаемся бизнесом, у нас нет ни ларьков, ни ресторанов, нет и спонсоров. Отличаемся от многих музыкантов и тем, что берем в аренду хорошую аппаратуру, чтобы не было стыдно перед людьми, которые придут на концерт. Все время репетируем. Что-то пытаемся найти, придумать, куда-то съездить, посмотреть. Это и есть творчество. Быть может, поэтому и жив «ДДТ» до сих пор.

– Сейчас в моде ретро. Вы, видимо, не скучаете по тому времени?

– Нет. Потому что я не раб. Я люблю старые песни. Безусловно, были замечательные композиторы, в чем-то цензура была хороша. Но не скучаю. В Советском Союзе жили замечательные люди, и сейчас их немало. Вот это меня радует. А строй тот мне, конечно, не нравился, душили все свежее. Мы не занимались политикой, поймите. Моему поколению надоел нафталин, был необходим другой звук, который отражал бы наши чаяния, мысли, нашу энергию. Им оказался рок-н-ролл, а не марши, которые мы слушали с детства. Это не значит, что марши плохие, просто нам другого хотелось. Рок-музыка – это было свежо, мощно, бешеная энергетика, и даже дух там был особый. Сейчас рок, конечно, не мейнстрим, на рок-концерты в России ходят разве что хипстеры.

– Но «ДДТ» по-прежнему поднимает стадионы – в чем секрет?

– Главное – быть не кривым зеркалом времени, а жить в этом во всем: ничего не чураться, не бояться тяжелых тем. Может быть, искусство не отвечает на вопросы, но оно их ставит. Допустим, «быть или не быть». Мы стараемся, чтобы наши концерты были актуальны. Конечно, это прежде всего рок-музыка, но разговор все-таки идет о человеке: это важно для нас, потому что очень много зла и раздора вокруг. Конечно, мы не можем остановить войну, но мы должны говорить о мире, о добре, о человечности. Потому что все хотят, чтобы эта проклятая война закончилась.

– «ДДТ» всегда был мужской командой, откуда взялась солистка, да еще с фольклором?

– Мы давно искали народницу – не люблю обычный эстрадный вокал. Алена Романова пела в фолк-джаз-рок-группе «Zventa Sventana» вместе с Тиной Кузнецовой, а мы услышали ее в проекте «Голос». Аленушка ездила по этнографическим экспедициям, даже преподавала народное творчество в музыкальном училище. Человек образованный, нежный, чуткий, она украшает группу. Девушка в коллективе все-таки отличается от девушки на корабле. Мы стали мягче, добрее, меньше материмся. А почему народные песни? В них есть то вневременное и настоящее, на что можно опереться в наши слепоглухонемые времена. Это музыка совершенна, потому что над словом и мелодией работало много гениальных людей. Как вода точит камень, так и выверенная уникальная гармония воздействует на людей.

– Да и в целом состав группы полностью обновился. Вам комфортно с молодыми?

– Ровесники мои, как правило, унылы. Спросишь «Как дела?» – «Плохо». Конечно, мы общаемся и спорим – кухонная культура опять популярна в России. Среди молодых мне комфортно, хотя я для них, конечно, Кощей бессмертный. Люблю им по-стариковски рассказывать, что раньше было, а они мне говорят, что завтра будет. Нормальный обмен идет. Понимаете, хочется играть музыку сегодняшнего дня, а не то, что было. Приносишь молодым песню, по их реакции сразу видно, если что-то недодумал. И просто идешь доделывать.

– Вам комфортнее ощущать себя в формате масштабного концерта – стадион, свет, звук или в камерном зале с гитарой?

– Мы с Лешей Федичевым после Беларуси проедем по моей родной Башкирии, по маленьким городам типа Белозерска. В такие города невозможно привезти группу «ДДТ»: нет площадок, аппаратуры, есть зал на 300 мест – и все. Поедем с гуманными ценами на билеты, ведь это моногорода. Такой формат тоже хорош – акварель, пастель, а группа «ДДТ» – это всегда много рева.

– А драйв в большом зале и маленьком один и тот же?

– Нет разницы, 1000 человек пришли или 300. Хотя преследует меня страшный сон: выходим на сцену, вся группа в замечательных костюмах, с наколками, вешаем аппаратуру, а в зале… всего один человек. А с другой стороны, может, действительно гением помрешь? Напишешь что-то такое, что уже никому не нужно, а в этом-то окажется весь смысл.

Ольга КРУЧЕНКОВА

ПОМНИМ

Монологи Риммы Марковой о жизни и искусстве

В Доме Русского зарубежья прошел вечер, посвященный памяти Риммы Марковой. Друзья и коллеги актрисы поделились воспоминаниями.

Если вам доводилось бывать в зрительном зале, перед которым выступала Римма Васильевна, то вы навсегда запомнили ноту предельной правдивости и искренности, с которой актриса вела разговор, подчеркнуто называя вещи своими именами и всегда заканчивая его под бурю оваций. Зрители чутко улавливали главную тему – заботу о сохранении нравственных опор нации, подлинных культурных ценностей и духовных достижений.

Творческий диапазон актрисы необычайно широк – после ролей героических женщин в «Бабьем царстве», «Журавушке», «Вечном зове», после классических эпизодов, как в «Покровских воротах», за которые актрису стали называть королевой эпизода, появление в роли ведьмы Дарьи Шульц в «Дозорах» можно рассматривать как победу над временем.

Мне довелось участвовать в пресс-конференциях с актрисой на фестивалях «Зеркало» в Иванове и «Литература и кино» в Гатчине. Предлагаем вниманию читателей монологи Риммы Марковой.

Об актерстве

Рада сказать, что я востребована и все время снимаюсь – в ролях то бабушек, то тетушек, и в каждой работе звучит отголосок того, как сегодня живут наши люди. Я много езжу по стране, вижу, что происходит, и безумно страдаю из-за этого. Мы даже с дочерью ссоримся. Она считает, что я должна пить кефир и нюхать цветы, но я так не могу. Неугомонной была всегда, с того самого момента, как мы с братом Лёней (народный артист СССР Леонид Марков. – *Авт.*) приехали в Москву. Родилась я в деревне, бабушки-дедушки были неучи дремучие, только папа окончил четыре класса. Когда он служил в армии, прославился умением пересказывать фильмы, делал это так ловко, что ребята скидывались ему на кино, когда он шел в увольнение. Это умение папы подметил худрук драмтеатра в Саратове, увидел в нем актера и взял его в труппу. Вскоре и мы с братом вышли на сцену в детских ролях, мне было шесть лет, Лёне – четыре, вот так и приобщились к искусству.

Все бы хорошо, но Поволжье голодало тогда, это был 31-й год. Не дай Бог вам знать, что это такое!.. Мы погибали с братом, вместо волос у Лёни на голове была корка. Мы ели очистки, кору деревьев, мама варила кости, которые собирала перед мясокомбинатом. Уходя на работу в театр, папа проволокой прикручивал кастрюлю к потолку, и в ней над лампой варились кости. Однажды Лёня хотел ложечкой зачерпнуть варево – мы же голодные были – и капнул на лампу, всё задымилось, не знаю, как только мы не сгорели!.. Вскоре пришли родители. Лёня трясся от страха, потому что наш папа считал, что в воспитании нельзя обойтись без наказаний. А поскольку я с детства была бандиткой и, едва отец начинал расстегивать ремень, орала так, что перепонки лопались, я успокоила Лёню: «Не бойся, скажу, что это я». И вот отец спрашивает: «Кто?!» Отвечаю, как на расстреле: «Я!» Ну, конечно, отхлестал, не без этого. Орала громко, а ничего не сделаешь...

Мама наша была художником-гримером, парики, косы делала. А провинциальные актеры, чтобы не надоесть зрителям, разъезжали со своими программами по России – Саратов, Вологда, Кинешма, Иваново, Ашхабад. Во время войны мы с Лёней учились в школе в Вологде, потом поступили в студию при театре, и Лёня сразу начал играть на сцене. Кроме ручки, мы в руках ничего не держали, а все из наших знакомых, кто ушел на фронт, погибли... Вот чего стоит то, что мы живем сегодня. И меня возмущает, что народ-победитель живет хуже побежденного. Я как могу пытаюсь помочь выжить пожилым актерам. Актеры – публичные люди, им нужно всегда хорошо выглядеть, быть хорошо одетыми. Не дело, когда подходят к тебе за автографом, а ты в лапсердаке. А актеры наши потрясающие!..

> Вот я и спрашиваю – почему уничтожают нашу культуру?! Не будет культуры – не будет государства

О русских традициях

Как же сейчас все наелись ширпотреба американского, даже в Гатчине многие вывески сделаны на английском. Когда губернатор Иванова Михаил Мень приглашал меня на фуршет, я его спросила – а что это такое? И сказала, что «фуршеты» придумали за границей, чтобы гости поели стоя и побыстрее уходили. А я не лошадь, сказала, и стоя есть не могу. Убила его, конечно, этим признанием. Но что поделать, я всегда помню, что мы добрая нация и у нас другие традиции. Если приглашаем гостей, всё вываливаем на стол. Еще и детям своим говорим: «Не трогай, это гостям». Если хотите, чтобы гости пообщались, накройте стол, посадите их. Вот тогда мы и наговоримся вдоволь, и попоем. Если хотите, такими заявлениями я протестую против американизации нашего общества.

Почему мы оглядываемся на Запад?! У нас своя культура, музыка, литература, пусть с нас берут пример, с нашей культуры. Наша культура – крепость для всего мира. А посмотрите, что сейчас делается на нашей эстраде! Полуголые, непричесанные артисты поют аппендицитом, не дал Господь голоса, а все равно лезут на сцену, ну что это такое?! Смотрю, и Сергей Зверев, парикмахер, накрашенный, весь в перстнях – и он запел. Вот я и спрашиваю – почему уничтожают нашу культуру?! Не будет культуры – не будет государства. Это сказал еще Дмитрий Лихачев. Чем выше культура нации – тем выше нравственность.

О телевидении

А что нам показывают по телевизору? Как расчленять, убивать, травить?! Я ненавижу ТВ, но вы меня часто там видите, вот и сейчас только что сидела перед камерой. Когда звонят, я им говорю: «Зачем вы меня приглашаете? Вы же знаете, я ненавижу вас, вы – самая преступная организация! Вы зомбируете наших детей и их молодых матерей, из-за вас мы теряем уже второе поколение. Я буду вас крушить!» Отвечают: «Крушите» – и всё записывают, а потом выбрасывают, что им не подходит. В Нью-Йорке нет ничего подобного, программы, которые они нам присылают, предназначены для стран третьего мира, а мы их пропагандируем. И такая меня берет обида, такая злость внутри разгорается, что я даже в церкви пожаловалась: «Батюшка, что мне делать? Злюсь, как собака!» А он ответил: «Это не злость, а гнев ваш, потому что вы – наша совесть». И люди на улице подходят ко мне и благодарят: «Спасибо за вашу жизненную позицию». А какая моя позиция – помогать надо друг другу и хранить всё свое, начиная с меню, борщ надо есть, а не заморские кушанья. А для детей сохранить право на образование, здоровье, труд.

О детях

Посмотрите, у нас же носятся 2 миллиона беспризорников. Не государственное ли это дело? Нет, у нас предпочитают платить миллионы евро тем, кто пинает мяч. А детей не спасают. Мне много что надо сказать нашим властям, успею ли, мне уже 86 лет исполнилось... Но я не успокаиваюсь, и вы не успокаивайтесь. Думайте о детях, это сегодня главное. Мне приходилось выступать во многих регионах, в том числе в Твери, Курске, на Сахалине. Не скрою, эти выступления даются мне кровью. Я все время призываю: «Проснитесь! Куда мы идем – к лаптям?! Образование сделали роскошью! Протестовать надо! Все зависит от нас самих, не надейтесь, что кто-то о нас позаботится, не ждите дармовой помощи. Действуйте!»

О Мордюковой

Мы с Нонной Викторовной Мордюковой дружили всю жизнь. Мы ровесницы, обе 1925 года, и нас с ней постоянно пытались сталкивать. Например, звонят мне: «Есть роль только для вас». Через минуту узнаю, что от нее уже отказалась Мордюкова. «И почему нас сравнивают, потому что мы с одного конского завода, что ли?! – спрашивала я Нонну. – Мы разные, что могу я, не можешь ты, и наоборот. Например, ты сможешь Родину-мать сыграть?» Мордюкова: «Смогу». Я: «Нет, все смеяться будут, а во мне есть что-то героическое». Но гены сказывались, поэтому мы и дружили с ней. Мы иронизировали друг над другом, подкалывали друг друга. Она была прекрасным рассказчиком, любила и меня слушать: «Римка, это просто невозможно!..» Да, мы дружили, но если вы думаете, что мы не собачились, вы ошибаетесь… Как же мне ее не хватает!..

О ролях

Всегда хотела Вассу Железнову сыграть. Ей же по пьесе сорок всего, она мечтала о мужике, а ее играли старухи – Пашенная, Бирман. Вот Инна (Чурикова) недавно сыграла – одно наслаждение. Как она играет! И все как там играют!.. А увидите вы меня скоро в роли олигарха в детективе, снимаюсь у Сергея Гинзбурга на Первом канале.

Татьяна ФЕДОТОВА

ФЕСТИВАЛЬ

Долог ли путь до города дожей?

В Москве прошел VI кинофестиваль «Из Венеции в Москву».

В кинотеатре «Иллюзион» показали фильмы 71-го Венецианского кинофестиваля – конкурсные и внеконкурсные, а также из секции «Горизонты». Фильмом открытия стал «Удивительный юноша» Марио Мартоне – об итальянском поэте Джакомо Леопарди. Актер Элио Джермано получил приз за лучшую мужскую роль на прошлогодней «Мостре», а также несколько призов от кинокритиков. Зрители посмотрели удостоенную особого упоминания жюри драму Микеле Альаикуе «Без всякой жалости» – о криминальной жизни мафиози и проститутки. Картина отмечена яркими актерскими работами Пьерфранческо Фавино и одного из любимых актеров Пазолини – Нинетто Даволи. Также в программе были гангстерская история «Черные души», получившая 4 приза, в том числе Кубок Пазинетти за лучший фильм, неаполитанский фильм-нуар «Перес», а также документальные ленты – «Суп дьявола» Давиде Феррарио, «Италия за один день», «Женщины-легенды. Софи рассказывает о Лорен» Марко Спаньоли.

Среди гостей фестиваля были режиссер Марко Спаньоли и актер Пеппино Маццотта. Впервые картины из Венеции показали кроме Москвы в Санкт-Петербурге и Новосибирске. «Это связано с ростом популярности кинофестиваля, – сказал на пресс-конференции министр-советник Посольства Италии в Москве Микеле Томмази. – И наша задача – показать современное итальянское кино и закрепить за ним роль культурного посланника». По словам представителей института итальянской культуры, в ближайшее время следует ждать появления итальянских фильмов в широком прокате.

Специальный гость фестиваля, независимый кинематографист, призер Берлинале Давиде Феррарио представил московской публике свою новую картину «Суп дьявола». «Это фильм о том, как индустрия изменила мир, – сказал мастер. – Но в какой-то момент фантастическая мечта достигает предела, и прекрасный сон превращается в кошмар». Режиссер рассказал журналистам об итальянском кинематографе, о судьбе русско-итальянских отношений на экране и о том, что за 40 лет карьеры овладел почти всеми кинематографическими профессиями.

Кадр из фильма «Без всякой жалости»

Давиде Феррарио

«Когда разговор заходит о современном итальянском кино, как не вспомнить выступление Квентина Тарантино в 2007 году в Каннах, – начал свой монолог Феррарио. – Поклонник итальянских B-movies 60-70-х, спагетти-вестернов и джалло, во многом сформировавших его фирменный стиль, Тарантино заявил тогда, что итальянское кино «вырождается на наших глазах». Это вызвало раскол в итальянских кинокругах. Одни согласились с тем, что современным фильмам далеко до великих лент, а другие твердили, что итальянский кинематограф на пороге «нового творческого витка». «Где новые Феллини и Антониони? Что случилось с итальянским кинематографом? – допрашивают меня по всему миру», – заявил Феррарио. И сам ответил себе: «Я застал ту великую эпоху и могу точно сказать: проблема не в кино, а в обществе. Тогда было много политических и социальных столкновений, Италия «оживала» после кровавого режима. И кино показывало новую реальность – итальянский неореализм прогремел на весь мир. Но с 80-х активизировалась глобализация, Италия стала терять национальную специфику, и теперь она – просто один из членов Евросоюза. Вы не заметили, итальянцы – давно не наследники Великой империи, и сегодня бессмысленно снимать фильмы про «похитителей велосипедов»? Сегодня актуальны истории про похитителей айфонов».

– Кино сегодня такой же товар, как все остальное на рынке, – продолжил Феррарио. – С американской моделью кинобизнеса я столкнулся еще в 90-х. Почти два года сотрудничал со студией Miramax, которая выпускала и фильмы Тарантино. Писал сценарий для итало-американского фильма, жил в дорогом отеле в Нью-Йорке, получал хорошие гонорары. Но был обессилен творчески, находился в депрессии – из-за контракта, который во всем меня ограничивал. В результате уехал на родину – в Турин и за свои деньги снял фильм «После полуночи». Со всех сторон мне говорили, что смотреть его не будут даже в Милане, настолько он провинциален. Но картина стала призером Берлинале, вышла в прокат в Европе, показывали ее и в России.

«В 70-е годы в Италии показывали только американское и итальянское кино. И я занялся прокатом европейских фильмов, в том числе Анджея Вайды и Вима Вендерса. Также знакомил итальянцев с фильмами Спайка Ли и Джармуша. А в 80-х в кинотеатрах появились российские фильмы – Михалкова, Сокурова, Звягинцева. Речь идет, конечно, о фестивальных хитах, которые показывают по телевидению, обсуждают. К сожалению, у нас до сих пор считается, что фильмы из Восточной Европы, Азии и России – для высоколобых критиков».

По поводу преобладания в программе фестиваля фильмов-нуар и криминальных драм режиссер воскликнул: «Мафия бессмертна!» И заявил, что она по-прежнему влияет на политическую и социальную жизнь страны. «Несколько лет назад по мировым фестивалям и в прокате успешно прошла картина «Гоморра» – про неаполитанскую мафию. И с тех пор фильмы-нуар ассоциируются у всех с Италией, а не с Америкой, где зародилось это явление. Между прочим, я автор сотни статей и более 10 книг об американском кино, в том числе о Джоне Форде, Орсоне Уэллсе, Деннисе Хоппере, благодаря которым я оказался в кино».

О будущем русско-итальянских отношений в кино высказался неопределенно – мол, совместные образовательные ТВ-проекты есть, а в кино все сложно. И политическая обстановка «не способствует». Молодым кинематографистам пожелал «внутренней свободы» и посоветовал не становиться «заложниками индустрии и продюсеров».

Нина КАТАЕВА